

ДЕЛО О ЗАТЕРЯННОМ ПОСЕЛКЕ

Денис Вяземский

Денис Вяземский

Дело о затерянном поселке

«Автор»

2026

Вяземский Д.

Дело о затерянном поселке / Д. Вяземский — «Автор», 2026

Глухой зимой 1974 года в коридорах областного УВД заводится странное, почти беззвучное дело. Пропавший геолог, обгоревшая страница из полевого дневника с координатами несуществующего поселения и тихий шепот коллег о том, что «лучше не рыть». Майор КГБ в отставке Андрей Казанцев, привыкший к ясности, теперь бредет по следу, который ведет в туман. Каждый шаг вперед — в глубь заснеженной тайги и собственного прошлого — отдается эхом старой боли. Здесь, среди выюги и лжи, где у каждого второго — погоны или судимость, а правда спрятана под слоем льда, он должен найти поселок, которого нет на картах. И ответить на вопрос: что страшнее — смерть, пришедшая из леса, или предательство, притаившееся в теплой комнате под треск «Голоса Америки»? Расследование становится ловушкой, из которой нет выхода обратно в привычный мир.

© Вяземский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обгоревший след	5
Следы на снегу бюрократии	11
Старик у края тайги	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Денис Вяземский

Дело о затерянном поселке

Обгоревший след

Снег падал за окном ровно, не спеша, бесконечно. Он заваливал следы вчерашнего дня, припорошил серый асфальт двора, нарастил пухлые шапки на столбиках забора. В кабинете, если это можно было назвать кабинетом, стояла тишина настолько густая, что в ней начал проступать далекий, едва уловимый гул – то ли котельной, то ли трамвая за двумя кварталами. Андрей Петрович Казанцев сидел за столом, не шевелясь. Перед ним лежала развернутая газета «Правда», но глаза скользили по строчкам, не цепляясь за смысл. Рука сама потянулась к пачке «Беломора». Щелчок зажигалки прозвучал резко, почти неприлично, разорвав молчание. Он затаился, вдохнув запах дешевого табака и бензина, и выпустил дым в луч света от настольной лампы. Лампа была старой, с зеленым абажуром, отбрасывающим круглое пятно на столешницу, застеленную потертым зеленым сукном. За кругом света – полумрак. Книжные полки, уставленные томами в самодельных переплетах, ковер на стене с выцветшим оленем, черная тарелка репродуктора. И холод. Не пронизывающий, а вязкий, ползучий, пробивающийся сквозь щели в старых рамах. Он сочился от огромного окна, на котором мороз выводил причудливые ледяные папоротники.

Казанцев посмотрел на часы – тяжелые, латунные, с откидной крышкой. Подарок от института по случаю защиты кандидатской. Стрелки показывали без пятнадцати четыре. День угасал, сизый рассвет так и не состоялся, просто серая мгла за окном постепенно сгущалась в черноту. Он потянулся к кружке, оловянной, с отбитой эмалью на ручке. Кофе, сваренный утром, остыл и покрылся маслянистой пленкой. Сделал глоток. Горько. Как всегда.

Мысли шли по накатанным рельсам. Архив. Отчет за 1968 год по учету библиотечных фондов спецхрана. Нужно было сверить инвентарные номера. Рутинная, почти медитативная работа, которая за последние пять лет стала его щитом. От чего? От памяти. От картины, которая врезалась в сетчатку десять лет назад: белый, в мелкую крапинку от дождя, асфальт переулка, и растекшееся по нему алое пятно, такое яркое, такое немыслимое на фоне серого ленинградского дня. И лицо Виктора. Не искаженное болью – удивленное. Всего на долю секунды. Потом пустота в глазах. И его собственная рука, держащая «Макаров», беззвучно кричащая от произведенного выстрела. Он опоздал. На долю секунды. Достаточную.

Он резко поставил кружку, глухо стукнув дном по сукну. Звук был плоский, одинокий. Нужно было встать, подойти к окну, размять затекшие ноги. Но тело не слушалось. Оно было тяжелым, как будто пропитанным свинцом усталости. Не физической – той, что копится годами где-то в костях, в солевых отложениях на суставах. Уверенность. Когда-то она была стальным стержнем внутри. Теперь – ржавый гвоздь в груди. Напоминающий о себе при каждом неловком движении души.

Внизу, во дворе, хлопнула дверь подъезда. Скрипнули шаги по свежему снегу – неспешные, тяжелые. Женские. Казанцев машинально бросил взгляд вниз. Из темного прямоугольника двери вышла фигура в длинном темно-сером пальто и меховой шапке. Женщина оста-

новилась, оглядываясь, подняла голову, будто выискивая номер на фасаде. Снег крупными хлопьями садился ей на плечи. Потом она решительно направилась к его подъезду.

Визитеры были редкостью. Коллеги по архиву не навещали, соседи здоровались только в лифте. Курьер из спецсвязи? Но сегодня ничего не должно было быть. Чутье, притупленное годами бумажной работы, дрогнуло, как старая пружина. Незнакомка. Ведет себя не как курьер – та сразу бы пошла к нужной двери. Она вышла, огляделась. Ищет.

Звонок в дверь прозвучал неожиданно громко. Дребезжащий, настойчивый. Казанцев медленно поднялся, почувствовав, как ноют колени. Прошел по темному коридору, пахнущему пылью и олифой от паркета. В глазке – искаженное пузырем лицо. Женщина. На вид под пятьдесят. Лицо умное, резковатое, с крупными чертами. Под шапкой – седые пряди. Глаза широко открыты, в них читалось нечто между отчаянием и решимостью.

Он открыл. Холодный воздух с лестничной клетки пахнул в лицо сыростью и запахом мокрого валенка от чьих-то оставленных у дверей калош.

– Андрей Петрович Казанцев? – голос у нее был низкий, хриловатый, от частого курения или от холода.

– Я.

– Меня зовут Людмила Алексеевна Городецкая. Мне... Мне нужна ваша помощь. Мне сказали, что вы... – она запнулась, подбирая слова, – что вы можете разобраться в сложных ситуациях. Когда официальные пути... исчерпаны.

Она стояла на пороге, не решаясь войти, снег таял на ее плечах, оставляя темные пятна. Казанцев молча отступил, приглашая войти. Пропустил в коридор. Она сняла шапку, встряхнула седыми волосами. Пальто не стала снимать, только расстегнула. Под ним – строгий шерстяной костюм, на лацкане пиджака – крохотный значок «50 лет ГОЭЛРО». Ученый. Геолог, если судить по загорелому даже зимой лицу и рукам с коротко остриженными ногтями.

– Проходите.

Он провел ее в кабинет, к единственному кроме его стула креслу у стола. Она села на край, прямая, не прислоняясь к спинке. Осмотрела комнату быстрым, профессиональным взглядом – полки, книги, репродуктор, пепельницу с окурками. Ее взгляд был похож на взгляд полевика, оценивающего местность.

Казанцев сел напротив, заслонив собой круг света от лампы. Теперь ее лицо было в тени, только острый подбородок и сжатые губы освещались снизу.

– Кто сказал? – спросил он без предисловий.

– Коллега. Из Академии. Николай Петрович Веретенников. Он говорил, что вы... – она снова искала слово, – что вы архивист от бога. И что вы работали в органах. Что вы умеете находить связи там, где другие видят тупик.

Веретенников. Историк, с которым они когда-то пересекались по работе с документами спецфондов. Старый лис. Наверняка догадывался, кем именно работал Казанцев. И вот – послал к нему просителя.

– Что случилось? – голос у Казанцева звучал ровно, глухо, как будто из соседней комнаты.

Она потянулась к сумке – старой, кожанной, потертой на углах. Руки дрожали. Не от холода – от напряжения. Достала плоскую картонную папку, положила на зеленое сукно. Не открывая.

– Пропал человек. Мой аспирант. Лучший. Игорь Малинин. Полевой геолог. Два месяца назад он отправился в район к северу от Верхне-Таежного. Рутинная предварительная разведка. Должен был вернуться через три недели. Его нет уже шесть.

Она говорила четко, по делу, но в каждом слове слышалась зажатая паника.

– Обращались в милицию?

– Сразу. Районный отдел в Верхне-Таежном. Организовали поиски с привлечением местных. Прочесали район по квадратам. Нашли его временную базу – зимовье. Вещи на месте. Спальник. Часть продуктов. Лыжи. Но его нет. Ни следов ухода, ни... ни тела. Будто испарился.

Казанцев молча достал пачку, предложил. Она отказала кивком. Прикурил сам, дал дыму медленно выйти через ноздри.

– И что, милиция закрыла дело? Предположили несчастный случай?

– Фактически – да. Составили акт. Версия – заблудился, отстал от группы (он работал с напарником, но тот вернулся раньше из-за болезни), ушел с маршрута, замерз. Звери. Стандартный набор. Но, Андрей Петрович... – она наклонилась вперед, и свет лампы упал ей в глаза. В них горел странный, неподдельный огонь. – Это невозможно. Игорь – ас ориентирования. Он вырос в тех местах, отец его был лесником. Он знал тайгу как свои пять пальцев. И он... он был осторожен до педантичности. Не тот человек, чтобы просто заблудиться.

– Напарник? – спросил Казанцев.

– Проверили. Лежал с воспалением легких в больнице Верхне-Таежного, когда Игорь ушел в последний маршрут. Алиби железное.

– Конфликты? Долги? Женщины?

– Нет. Парень был тихий, поглощенный наукой. Жениться собирался, невеста в Ленинграде ждет. Никаких темных дел.

Казанцев потянулся к кружке, снова отпил горечи. Стандартная история. Человек пропадает в тайге – девять из десяти случаев, несчастный случай. Но что-то в повествовании Городецкой, в ее глазах, не сходилось. Слишком уж она была убеждена в невозможности ошибки своего ученика. И слишком... испугана. Но не только за него.

– Почему вы пришли ко мне? У милиции версия, все логично. Что вы хотите, чтобы я нашел? Тело?

Она резко встряхнула головой.

– Нет. Я хочу понять, что случилось. И у меня... есть одна зацепка. Которую милиция проигнорировала. Сочли несущественной.

Она наконец открыла папку. Внутри лежал лист кальки, а на нем – аккуратно обведенный карандашом контур чего-то неправильной формы, похожего на клочок бумаги с оплавленными краями. И рядом – текст, переписанный от руки ее твердым почерком.

– Это, – она сказала тихо, – страница из полевого дневника Игоря. Вернее, то, что от нее осталось.

Казанцев взял кальку. Стал читать.

«...пробы показали аномалию. Не геологическую. Фон выше нормы в 3 раза. Старые выработки? Но кто и когда? На картах ничего. Спросил у старожилых – все отводят глаза. Упоминают «Дальний». Поселок. На старых картах нет. Координаты примерно 58°41' с.ш., 102°15' в.д. Проверить. Спросить у деда Семена на заимке у Черной речки. Здесь что-то не так... Все жили здесь. И все еще живут?»

Текст обрывался. Ниже, на кальке, были воспроизведены крохотные, почти сгоревшие фрагменты: часть топосхемы, цифры, слово «ради...» и снова – «Дальний».

- Где оригинал? – спросил Казанцев, не отрываясь от строк.
- Его нет. Он сгорел.
- Объясните.

Людмила Алексеевна тяжело вздохнула, достала из сумки портсигар, на этот раз взяла сигарету. Казанцев протянул зажигалку. Пламя осветило глубокие морщины вокруг ее рта.

– После того как Игорь не вернулся, я поехала в Верхне-Тажное. Под видом разбора его вещей для института. Милиция уже все обыскала, но поверхностно. Его номер в гостинице «Тайга» был опечатан, но ключ хранился у дежурной. Я... убедила ее дать мне посмотреть. Там был камин. И в золе, на самом краю, недогоревший, лежал этот клочок. Видимо, кто-то жег в камине бумаги, а этот кусок выпал. Я его забрала, переписала текст, а потом... потом испугалась и сожгла дотла. Оставила только эту кальку.

- Почему испугались?

– Потому что, когда я вышла из номера, в коридоре стоял участковый. Смотрел на меня. Не спрашивал ничего. Просто смотрел. А на следующее утро ко мне в гостиницу пришел подполковник Полозов, начальник райотдела. Вежливый такой. Сказал, что, мол, не стоит тревожить себя, поиски продолжаются, но, вероятно, печальный исход. И посоветовал не задерживаться в поселке – погода, мол, ухудшается. Это прозвучало как приказ.

Казанцев откинулся на спинку стула. Дым сигареты висел в воздухе неподвижным сизым облаком. «Фон выше нормы в 3 раза». «Старые выработки». «Все жили здесь. И все еще живут?». И главное – поселок, которого нет на картах. «Дальний». И чья-то спешка с уничтожением дневников. И слишком заинтересованная вежливость милиции.

- Вы говорили Полозову про эту страницу?

– Нет. Только про то, что искала рабочие записи. Он сказал, что все бумаги, найденные в зимовье, изъяты как вещественные доказательства. Но я проверяла – в зимовье не было основного дневника Игоря. Только старые черновики. Основной блокнот был с ним. И он исчез.

Тишина в комнате сгустилась. Гул котельной теперь звучал как отдаленный набат. Казанцев смотрел на строки, переписанные на кальку. Рука профессионала выводила каждую букву точно, но в конце последней фразы – «И все еще живут?» – почерк дрогнул, сделал кляксу.

Он мысленно представил. Молодой геолог. Находит аномалию. Не геологическую. Радиационную. Идет по следу. Выходит на несуществующий поселок. Начинает задавать вопросы. И пропадает. Его дневник сжигают. А начальник милиции советует его научуку уезжать.

Несчастный случай? Возможно. Но слишком много совпадений. Слишком много страха вокруг простой истории о заблудившемся парне.

– Почему вы решили, что я могу помочь? – спросил он снова, глядя прямо на нее.

– Потому что Николай Петрович сказал: «Казанцев не боится копать вглубь. И у него есть совесть». А еще... – она замолчала, потом выдохнула. – А еще я поняла, что мне не к кому больше идти. Официально дело закрыто. Любое мое действие вызовет подозрения. А вы... вы вне системы теперь. И при этом вы знаете, как она устроена. Изнутри.

«Вне системы». Да. Он был как этот обгоревший клочок – выпавший из камина, недоженный, никому не нужный артефакт. Но на нем осталась информация. Кричащая.

– Что вы хотите от меня, Людмила Алексеевна?

– Найдите его. Живого или... или мертвого. Но найдите. И узнайте, что там, в этом «Дальнем». Что такого он нашел, за что... – голос ее сорвался. Она сжала портсигар в белых костяшках пальцев.

Казанцев посмотрел в окно. Там уже совсем стемнело. В черном квадрате отражалась комната: зеленый абажур лампы, его собственное лицо, бледное, с резкими тенями, силуэт женщины. И белые хлопья снега, бесшумно падающие в ночь. Они заматали все. Следы. Память. Правду.

Он чувствовал старое, знакомое движение внутри. Не азарт. Нет. Скорее – тяжесть. Как будто на весы положили новую гирию. С одной стороны – тишина архива, холодная кружка, газета «Правда». С другой – этот клочок кальки, чужая боль, и тропа, уводящая в темноту тайги и таких же темных служебных кабинетов. Тропа, на конце которой, возможно, снова ждала его старая вина. Шанс ошибиться. Или, наконец, что-то исправить.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Оставьте мне координаты. И все, что знаете о Малинине, о маршруте, о деде Семене. И о подполковнике Полозове.

Она кивнула, быстро, судорожно, словно боясь, что он передумает. Достала из сумки еще одну папку, потрогала.

– Здесь все. Копии его отчетов, карта района, мои заметки.

– Я не обещаю результата.

– Я понимаю.

Она встала, надела шапку. Стояла неуверенно, словно не зная, как благодарить.

– Я... я буду в городе еще три дня. Остановилась в гостинице «Центральная». Комната 312. Если что...

– Я найду вас, – перебил он.

Проводил ее до двери. Она еще раз кивнула и вышла на лестничную клетку. Шаги затихли внизу. Хлопнула входная дверь.

Казанцев вернулся в кабинет. Сесть за стол не смог. Подошел к окну. Приложил ладонь к холодному стеклу. Снег падал. Белый, беззвучный, бесконечный. Он смотрел, как темный двор поглощает белизна, как стираются границы между тротуаром, дорогой, крышами сараев.

Потом вернулся к столу. Взял кальку с переписанным текстом. Читал снова. «Все жили здесь. И все еще живут?»

Вопрос висел в воздухе, смешиваясь с табачным дымом. Вопрос не геолога. Вопрос человека, который наткнулся на что-то слишком большое, слишком старое и слишком живое, чтобы быть просто заброшенным поселком.

Андрей Петрович Казанцев аккуратно сложил кальку, убрал в папку. Погасил лампу. В комнате остался только тусклый отсвет уличного фонаря, пробивающийся сквозь морозные узоры. Он стоял в темноте, слушая тиканье своих часов и далекий гул в трубах. Предстояла дорога. В тайгу. В холод. В туман, где следы терялись, а правда была зашифрована в обгоревших строчках. Первый шаг был сделан. Обратной дороги, он чувствовал это кожей, уже не было.

Следы на снегу бюрократии

Снег на площади перед зданием УВД был утоптан до состояния грязно-серой, зернистой каши. Его разворошили колеса «Волг» и уазиков, присыпали песком с солью, и теперь он лежал унылым, оплеванным покрывалом, на котором чернели протекторные узоры. Само здание – довоенная постройка, трехэтажное, с колоннами у входа, выкрашенное в цвет охры, выцветшей до грязно-желтого. Окна первого этажа защищали массивные чугунные решетки. Над дверью – тускло поблескивающий на сером небе герб.

Андрей Петрович толкнул тяжелую дубовую дверь, обитую снаружи черной листовой резиной. Внутри пахло. Сразу и навязчиво. Дезинфекция, старая масляная краска на батареях, влажное сукно шинелей, махорка и еще что-то кислое – вчерашние щи из столовой, возможно. Воздух был теплым, спертый, словно его не меняли с осени. Звонящая тишина коридора, обитого темно-зеленым линкрустом до половины стены, нарушалась только далеким дребезжанием телефона, приглушенным разговором за одной из дверей и мерным тиканьем больших настенных часов с римскими цифрами.

Казанцев стоял секунду, давая глазам привыкнуть к полумраку. Он чувствовал себя чужим. Пять лет не заходил в подобные кабинеты. Но тело помнило все: и эту специфическую смесь запахов, и ощущение слегка скользкого под ногами казенного линолеума, и даже угол наклона козырька фуражки у дежурного, сидящего за деревянным барьером у лестницы. Все то же. Только он изменился.

Дежурный, ефрейтор с пухлым, сонным лицом, лениво поднял на него глаза.

– Вам кого?

– К подполковнику Полозову. Казанцев. По личному делу.

Ефрейтор потянулся к телефонной трубке, черной, потрескавшейся. Набрал двузначный номер. Пробормотал что-то вязкое, неразборчивое. Повесил.

– Второй этаж. Кабинет двести семь. Вам налево по коридору.

Лестница была широкая, с мраморными ступенями, стертыми посередине до вогнутости. Чугунные перила с советской символикой – колосья, шестеренки. На втором этаже было светлее – из окон в конце коридора падал сизый зимний свет. Двери с номерами, табличками «Начальник ОУР», «Следственный отдел». Тишина здесь была иной – не пустой, а насыщенной, деловой. За дверями слышался сдержанный гул голосов, стук пишущей машинки. Мир, живущий по своим, уставным законам.

Кабинет 207. Дверь из темного дерева, с тяжелой латунной ручкой и глазком. Казанцев постучал.

– Войдите! – голос из-за двери был бодрым, немного напряженным.

Он вошел. Кабинет оказался просторным, с высоким потолком. Большое окно, выходящее на площадь. За окном – все тот же серый день и снег. За массивным столом с зеленым сукном сидел человек лет сорока пяти, в форменной кительной паре, с погонами подполковника милиции. Волосы, темные с проседью, аккуратно зачесаны. Лицо – широкое, скуластое, с внимательными, немного прищуренными глазами. На столе – аккуратные стопки бумаг, телефоны (один черный, обычный, другой – с диском, кремовый, «вертушка»), пепельница из тем-

ного стекла. На стене – портрет, календарь с видом на Байкал, большая карта района. Тепло от раскаленной батареи под окном боролось со струей холода, идущей от стекол.

Полозов не встал. Взвешивающе посмотрел на вошедшего, потом медленно поднялся из-за стола. Ростом он был чуть ниже Казанцева, но шире в плечах, коренастый.

– Андрей Петрович Казанцев? – спросил он, и в голосе его прозвучала подобранная, почти безупречная вежливость. – Очень приятно. Владимир Сергеевич Полозов. Проходите, присаживайтесь.

Он показал на кресло напротив стола. Сам вернулся на свое место, поправил китель. Движения были четкими, выверенными.

– Чем могу быть полезен? – спросил Полозов, сложив руки на столе. На безымянном пальце правой руки – скромный ободок золотого свадебного кольца.

Казанцев сел, почувствовав жесткость полированного дуба под собой. Он не стал тянуть.

– Я пришел по делу об исчезновении Игоря Малинина. Геолога.

На лице Полозова ничего не дрогнуло. Только веки опустились на долю секунды, будто проверяя что-то в памяти.

– А, да-да. Печальная история. Весьма. Мы приложили все усилия, но, к сожалению... – он развел руками, жест, обозначающий и сожаление, и бессилие перед стихией. – Тайга, знаете ли. Она не прощает ошибок. Даже опытным.

– Вы считаете, это была ошибка? – спросил Казанцев ровно.

– Что же еще? – Полозов слегка наклонил голову. – Молодой человек, работал с напарником, но тот выбыл по болезни. Решил, видимо, один пройти намеченный маршрут. Сбилсся с пути. Ночью ударил мороз под тридцать. Вероятнее всего, быстрое переохлаждение. А потом... ну, знаете, звери в тех краях не голодают зимой. Волки. Медведи-шатуны, хотя редко. Росомахи. Следов почти не остается.

Он говорил гладко, как будто зачитывал сводку. Голос был спокоен, убедителен.

– Была проведена полноценная поисковая операция? – спросил Казанцев, не отрывая от него взгляда.

– Конечно. Привлекали местных охотников, лесников. Прочесали квадрат двадцать на двадцать километров от последней известной точки. Нашли его временную базу – зимовье. Вещи на месте. Признаков борьбы, насилия – нет. Все аккуратно. Как будто вышел и не вернулся.

– Его личные вещи, бумаги? Они изъяты?

Полозов медленно потянулся к пачке «Казбека», лежавшей рядом с пепельницей. Предложил Казанцеву. Тот отказал кивком. Подполковник прикурил, выпустил струю дыма в сторону от гостя.

– Да, естественно. Как вещественные доказательства. Составлена опись. Ничего криминального, разумеется, не обнаружено. Полевые записи, карты, образцы пород. Все как у геолога.

– Можно ознакомиться? – спросил Казанцев просто, как будто просил передать соль.

В кабинете повисла пауза. Только тиканье настенных часов, таких же, как в коридоре, заполнило пространство. Полозов взял с пепельницы свою сигарету, стряхнул пепел. Движение было слишком аккуратным.

– Знаете, Андрей Петрович, – заговорил он, чуть растягивая слова, – дело-то... оно фактически закрыто. Как несчастный случай. Материалы уже готовятся к сдаче в архив. Доступ посторонним лицом, даже таким уважаемым, как вы... это нарушение процедуры. Вы же сами понимаете.

– Я не посторонний, – тихо сказал Казанцев. – Я представляю интересы научного руководителя пропавшего, доктора Городецкой. Она имеет право на информацию. И я действую по ее просьбе.

Полозов улыбнулся. Улыбка была холодной, только губы растянулись, глаза остались неподвижными.

– Людмила Алексеевна – человек науки. Она переживает. Это понятно. Но мы провели работу. Тщательную. Лучше не тревожить ее новыми... беспочвенными предположениями. А вам, я слышал, вы сейчас в отставке? Занимаетесь архивными делами? Не лучше ли оставить оперативную работу профессионалам?

В голосе прозвучала легкая, едва уловимая сталь. Почти неуважение, прикрытое формальностью. «Отставка». «Архив». Ты нам не указ.

Казанцев не шелохнулся. Он смотрел на Полозова, читая его как старый, потрепанный документ. Напряжение в плечах. Слишком прямая спина. Слишком частые, мелкие затяжки сигареты. Человек не просто отказывал. Он защищался. Защищал что-то, чего не должно было быть вскрыто.

– Подполковник, – сказал Казанцев, чуть понизив голос, вводя его в регистр доверительного, почти товарищеского разговора, – я сам много лет проработал в органах. Не в милиции, но рядом. Я понимаю все процедуры. И я понимаю, когда дело хотят... аккуратно положить под сукно. Не потому что злой умысел. А потому что так проще. Спокойнее для отчетности.

Полозов замер. Сигарета зависла в пальцах. Его глаза сузились.

– Что вы хотите сказать?

– Что есть нюансы. Которые, возможно, ускользнули от ваших людей. Страница из полевого дневника, например. Обгоревшая. С упоминанием поселка «Дальний». Координатами. И вопросом: «Все жили здесь. И все еще живут?»

Теперь молчание стало тяжелым, осязаемым. Полозов медленно, очень медленно потушил сигарету в пепельнице, вдавил ее, будто давя что-то живое. Его лицо стало маской, но по краю скулы проступила легкая желвачная тень.

– Откуда вам это известно? – спросил он наконец. Голос потерял бодрость, стал плоским, глухим.

– Это не важно. Важно, что это существует. И что это – не запись заблудившегося человека. Это запись человека, который нашел что-то. И, возможно, из-за этого и пропал.

– Слухи, – отрезал Полозов, но в его тоне не было прежней уверенности. – Деревенские байки. «Дальний» – это старая легенда. Была какая-то заимка лет тридцать назад, развалилась. Ничего там нет.

– Тогда почему страницу сожгли? – мягко спросил Казанцев. – И почему при обыске в номере Малинина не была обнаружена основная тетрадь его наблюдений? Там, в зимовье, по вашей же описи, только черновики.

Полозов встал. Подошел к окну, спиной к гостю. Стоял, глядя на площадь. Его фигура, коренастая, в хорошо сшитом кителе, казалась монолитной.

– Товарищ Казанцев, – сказал он, не оборачиваясь. – Вы отставной майор. У вас есть связи, я не сомневаюсь. Но вы сейчас не в своем ведомстве. Вы в моем районе. Дело об исчезновении гражданина Малинина расследовано мной и моими сотрудниками. Выводы сделаны. Материалы готовы к архивному хранению. Я не могу, да и не вижу смысла, инициировать новую волну на основе... каких-то там обгоревших клочков. Это не профессионально.

Он обернулся. Лицо его снова было под контролем. Вежливая, непробиваемая стена.

– Я могу предложить вам одно: ознакомиться с выпиской из дела. Без приложений. Формально – для успокоения гражданки Городецкой. И на этом точка. Дальнейшие ваши самостоятельные действия, если они как-то затронут оперативную обстановку в районе или помешают работе моего отдела, буду вынужден пресекать. По всей строгости закона.

Это была не просьба. Это был приказ, облеченный в бюрократические одежды. И угроза. Прозрачная.

Казанцев медленно поднялся. Он был выше Полозова, и теперь смотрел на него слегка сверху. В кабинете пахло теперь не только табаком и краской, но и чем-то еще – резким, потным. Адреналином.

– Выписку из дела я возьму, – сказал он тихо. – И копию описи изъятых вещей. По закону, научная организация имеет на это право. Я оформлю запрос через институт Городецкой сегодня же. А пока... я хотел бы поговорить с участковым, который первым выезжал на место. И с тем, кто проводил обыск в гостинице.

Полозов смотрел на него долго. Его глаза, серые, как февральский лед, скользнули по лицу Казанцева, по его простому, темному пальто, по рукам, спокойно лежащим вдоль тела.

– Участковый Петухов в отпуске. Уехал к родне. Вернется через две недели. А обыск проводил старший лейтенант Гуров. Он сейчас в командировке. На обучающих сборах в области. Недели три как минимум.

– Как удобно, – произнес Казанцев без интонации.

– Служба, – парировал Полозов с той же бесстрастностью. – Графики, командировки. Никуда не денешься.

Он вернулся за стол, сел, потянулся к одному из лотков с бумагами. Достал папку, начал что-то искать. Движения были резкими, с легкой дрожью раздражения в кончиках пальцев. Наконец вытащил несколько листов, положил перед собой.

– Выписку я подготовлю. За описью... обратитесь в архивный отдел. Первый этаж, комната одиннадцать. Но имейте в виду, опись тоже является частью дела. Для выдачи копии нужен санкционирующий документ. Мой виза. Я поставлю, когда поступит официальный запрос из института.

Он взял авторучку, с золотым пером, и начал быстро что-то писать на бланке. Скрип пера по бумаге был единственным звуком. Казанцев стоял и смотрел, как наклонный, уверенный почерк Полозова заполняет строки. Все по форме. Все правильно. И все – капкан. Паутина формальностей, в которой тонула любая инициатива.

Через минуту Полозов протянул листок. Это была краткая справка. «По факту безвестного исчезновения гр-на Малинина И.В. проведены следственные действия. Признаков насильственной смерти или криминального умысла не установлено. Версия – несчастный случай (потеря ориентации в лесистой местности, переохлаждение). Дело приостановлено в связи с непроясненностью судьбы пропавшего. Материалы сданы в архив.»

Ни фамилий участников. Ни дат обысков. Ни упоминания о «Дальнем». Чистая, выхолощенная бюрократическая отписка. Такую бумагу можно было породить, не выходя из кабинета.

Казанцев взял листок, не глядя, сунул во внутренний карман пальто.

– Благодарю, – сказал он без выражения.

– Не стоит, – Полозов снова улыбнулся своей холодной улыбкой. – Всегда рады помочь... коллеге. Но, Андрей Петрович, позвольте дать вам совет, как человек, который знает этот район. Не ходите в ту тайгу. Зимой она... изменчива. Сегодня тропа есть, завтра – ее заметет. И человек может бесследно исчезнуть. Даже очень опытный. Понимаете?

Это было уже не предупреждение. Это было почти что признание. Говорил не подполковник милиции. Говорила сама Тайга. Устами своего служителя.

– Я понял, – кивнул Казанцев. Развернулся и пошел к двери.

Он вышел в коридор, не оглядываясь. Дверь за ним закрылась с мягким, но отчетливым щелчком. Он стоял после яркого света кабинета в полумраке коридора, вдыхая запах старого линолеума и пыли. Сердце билось ровно, но в висках стучало. Все было ясно. Слишком ясно. Дело не просто закрыли. Его похоронили. Аккуратно, с отданиями почестей в виде бумажек, но похоронили. И могильщик сидел в кабинете 207 и курил «Казбек».

Он спустился на первый этаж. Нашел комнату 11. «Архивный отдел». Постучал. Из-за двери послышалось ворчливое «Войдите».

Внутри было тесно. Стеллажи от пола до потолка, забитые папками в серых картонных обложках. Воздух был сухой, пыльный, с привкусом старой бумаги и клея. За столом, заваленным папками, сидела пожилая женщина в очках с толстыми линзами, в темном платье. На шее – нитка бус из желтого пластика.

– Вам чего? – спросила она, не отрываясь от какой-то ведомости.

– Мне нужна копия описи из дела по исчезновению Малинина. Подполковник Полозов сказал...

– Знаю, что сказал, – перебила она, наконец подняв на него глаза. Глаза были умные, усталые, всевидящие. – Он мне звонил. Только что. Сказал: если придет отставной Казанцев – дать только по официальному запросу. Запроса нет. Значит, и копии нет.

Она говорила это не со злорадством, а с какой-то бесконечной, профессиональной покорностью судьбе. Она была винтиком. И винтик знал свое место.

– Я могу просто взглянуть? Ознакомиться? – попробовал Казанцев, но уже без надежды.

– Не положено, – ответила женщина и снова уткнулась в ведомость. Диалог был окончен.

Казанцев вышел на улицу. Свежий, морозный воздух ударил в лицо после спертой атмосферы архива и кабинета. Он сделал глубокий вдох. Легкие заломило от холода. Он стоял на ступенях, глядя на площадь, на утоптаный снег, на проезжающую мимо грузовую «Газель». Мир был обычным, серым, будничным. И где-то в его недрах, в папке с номером, лежало дело о пропавшем парне. И вокруг него уже успели вырастить колючую изгородь из отпусков, командировок, отсутствующих санкций и вежливых, ледяных отказов.

Он спустился по ступеням, пошел по снежной каше к остановке. В кармане пальто жгло бумагой – той самой выпиской. Фактически – чистый лист. Но даже чистый лист мог быть уликой. Уликой того, что кто-то очень сильно хочет, чтобы в этом месте в деле был именно чистый лист.

Автобус пришел не скоро. Казанцев стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на здание УВД. В окне второго этажа, в кабинете 207, виднелась силуэтная фигура. Стояла и смотрела вниз. На него.

Снег снова пошел. Мелкий, колючий. Он заметал следы на площади, покрывал грязные колеи свежим, пока еще белым слоем. Скоро все будет чисто. Бело. Безмолвно. Как в тайге.

Казанцев сел в подошедший автобус. Ехать нужно было в гостиницу «Центральная». К Городецкой. Нужно было сказать ей, что официальный путь – тупик. Что снег бюрократии уже замел все следы. И что если что-то и найдется, то только в обход. Вне системы. Туда, где не было кабинетов с зеленым сукном, а были только черные ели, сизый мороз и молчание, которое хранило свои тайны куда надежнее любого архива.

Старик у края тайги

Дорога на север из города Н. занимала шесть часов на старом, обшарпанном автобусе ПАЗике, пахнущем соляжкой, перегаром и немытыми телами. Потом – три часа на попутном грузовике-лесовозе по зимнику, где машину кидало из стороны в сторону, а заснеженные ели мелькали за заиндеветым стеклом, как частокол темных копий. И наконец – пешком. Семь километров по лесной дороге, уже не чищенной, только укатанной санями да гусеницами трактора. Казанцев шел, увязая по щиколотку в рыхлом снегу по краю колеи. Рюкзак за спиной тянул плечи вниз, в нем – минимальный запас: продукты, термос, спальник, аптечка, фонарь. И папка с бумагами.

Воздух здесь был другим. Не городским, спертым и маслянистым, а острым, колючим, наполненным морозной свежестью и запахом хвои. Дышалось тяжело – мороз щипал легкие, но сознание прояснялось, как от удара. Тишина. Не абсолютная – где-то далеко каркала ворона, с ветки сосны с мягким шурхом осыпался снег, скрипели на морозе стволы. Но эти звуки лишь подчеркивали глубину молчания. Оно было плотным, ватым, давящим на барабанные перепонки.

Заимка деда Семена оказалась на самом краю – дальше уже начиналась нехоженная, глухая тайга, уходящая волнами сизых холмов под низкое, свинцовое небо. Избушка стояла на пригорке, над замерзшей петлей речки. Не изба даже – барак, сложенный из темных, почерневших от времени бревен, с косой, просевшей крышей, крытой толем. Из трубы валил густой, белый дым, его сразу же прибивало к земле ветром. Рядом – снежный сарайчик, поленница дров, аккуратно прикрытая брезентом, и странное сооружение – высоченный шест с остатками флюгера наверху и несколькими пустыми консервными банками, звенящими на ветру. Охранная система бедняка.

Казанцев остановился, переводя дыхание. Пар вырывался изо рта клубами. Он сбросил рюкзак у крыльца – низкого, скрипящего, и постучал в дверь, обитый жестью, с огромной, ржавой щеколдой.

Сначала тишина. Потом из-за двери послышался шорох, кашель – сухой, раздражающий. Щелкнула задвижка. Дверь приоткрылась на толщину цепи, и в щели показалось лицо.

Лицо древнего, высохшего человека. Кожа – темная, как старая береста, в глубоких морщинах, будто исчерченная картой неведомой местности. Белесые, выцветшие глаза, смотревшие без выражения, но очень внимательно. Седая, всклокоченная борода. На голове – стеганая шапка-ушанка с отвислыми ушами.

- Кого надо? – голос был хриплым, глухим, как скрип снега под лыжами.
- Семена Игнатьича? – спросил Казанцев.
- Он самый. А ты кто?
- Меня зовут Андрей Петрович. Я по делу. Насчет одного геолога. Малинина.

Глаза в щели сузились. Пауза затянулась.

- Не знаю я никаких геологов. И дела вашего тоже. Идите, откуда пришли.
- Дверь начала закрываться.

– Подождите, – Казанцев не повысил голос, но вложил в него команду, давно не использованную. – У меня есть кое-что. От него. Страница.

Дверь остановилась. Глаза снова появились в щели. Теперь в них было что-то кроме подозрения – настороженный, животный интерес.

– Какая страница?

– Из полевого дневника. Обгорелая. Там написано: «Спросить у деда Семена».

Старик молчал так долго, что Казанцев уже подумал, что тот не расслышал. Потом щелкнула цепь. Дверь отворилась, пропуская внутрь полоску холодного света и Казанцева.

Внутри пахло. Печкой, дымом, картошкой в мундире, немытой овчиной и еще чем-то кислым – квашеной капустой, может быть. И старостью. Запахом пыли, сохнувших трав и времени, застоявшегося в низкой, темной избе.

Комната была одна, но просторная. Посредине – большая русская печь, топившаяся сейчас, от нее шел сухой, обжигающий жар. У стены – деревянная кровать, застеленная ватным одеялом в грубых квадратах. Стол, грубо сколоченный, лавки. На окнах – замерзшие льдинки, почти не пропускающие свет. Освещалась изба двумя керосиновыми лампами – одна на столе, другая, поменьше, висела у печки. Свет был желтый, неровный, дрожащий, отбрасывающий гигантские, пляшущие тени на стены, заставленные всякой рухлядью: капканы, старые лыжи, связки лука, жестянки, бутылки.

Старик закрыл дверь, задвинул тяжелую задвижку. Потом подошел к столу, сел на лавку, кивнул Казанцеву на другую. Движения его были медленными, но точными, без суеты.

– Показывай, – коротко бросил он.

Казанцев снял пальто, повесил его на гвоздь у двери, почувствовав, как от тепла по спине разливается влажная теплота. Се напротив. Достал из внутреннего кармана папку, а из нее – ту самую кальку с переписанным текстом. Развернул, положил на стол перед стариком.

Тот не стал брать в руки. Склонился, вглядываясь. Губы его беззвучно шевелились, повторяя слова. Когда дошел до «Спросить у деда Семена», он резко откинулся назад, будто от удара. Выцветшие глаза расширились, в них мелькнул настоящий, неподдельный страх.

– Где ты это взял? – прошептал он.

– В золе. В гостинице, где жил Малинин. Его дневник сожгли. Эта страница чудом уцелела.

– Дурак он, дурак, – пробормотал старик, глядя в пустоту вверх лампы. – Совался, совался... Я же говорил – не ходи. Не ищи.

– Что не искать, Семен Игнатьич? Что такое «Дальний»?

Старик резко повернул к нему голову. Его лицо исказила гримаса, в которой было и страдание, и злость.

– Тебе-то зачем? Ты кто такой? Милиционер? Из органов?

– Я отставной. Расследую исчезновение Малинина. По просьбе его научного руководителя.

– Расследуешь... – старик фыркнул, звук вышел сухим, как треск ломающейся ветки. – Там не расследуют. Там... хоронят.

Он встал, прошелся к печке, пошарил в ящике, достал чугунок, поставил на заслонку. Потом обернулся, прислонился спиной к теплой кладке.

– Поселок Дальний... Его и нету, и есть. На картах его нет. И на земле почти нет. Развалины. Но в земле... в земле оно все есть.

– Что случилось там? В пятидесятых?

Семен Игнатьич вздрогнул, будто его хлестнули по щеке.

– Откуда ты знаешь про пятидесятые?

– Логика. Старые выработки. Секретный поселок времен Сталина. Потом – расформирование. Так?

Старик молчал, смотря на пламя в топке через щель. Его профиль на фоне огня казался вырезанным из темного дерева.

– Расформировали, – наконец произнес он, – это громко сказано. Закрыли. Забыли. Людей... вывезли. Говорят, вывезли. На бумаге.

«На бумаге». Фраза повисла в воздухе, тяжелая, как свинец. Казанцев ждал.

– Я тогда лесником тут был. Молодой еще. Мне свыше приказ: обеспечить периметр. Никого не пускать. А что внутри – не моего ума дело. И не лезь. Я и не лез. Но слышал. И видел кое-что.

Он помолчал, будто собираясь с силами.

– Сперва работали. Днем и ночью. Грузовики ходили, трактора. Потом... весной пятьдесят третьего. Шум был. Не взрыв – гул. Земля дрогнула. Потом тишина. Потом – машины с мигалками, но без сирен. Санитарные. Много. Потом опять тишина. А осенью приехали новые люди. В штатском. И начали вывозить. Но не всех. Часть бараков... они просто заколотили. И уехали. А я... я должен был смотреть. Чтоб никто не приближался.

– И вы смотрели все эти годы?

– А куда я денусь? – в голосе старика прозвучала горькая, усталая усмешка. – Дом тут. Охрана – работа. Потом ее и работы-то не стало, а привычка осталась. Смотреть. И молчать.

Он подошел к столу, сел, тяжело опускаясь на лавку.

– А потом ваш геолог пришел. Нашел тропу. Стал расспрашивать. Я отмалчивался. Он – настойчивый. Говорит: «Я там аномалию нашел. Фон». Ну, я ему и сказал напрямик: уезжай, парень. Забудь. Там... там земля болит. Мертвая. Он не послушал. Ушел. И не вернулся.

– Вы думаете, он погиб там?

Старик не ответил. Он потянулся к стоящей на столе бутылки с мутной жидкостью, налил в граненый стакан, отпил. Сморщился.

– Он там и остался. Как и другие. Туда ходить – мертвых тревожить. Их и так потревожили сполна. Они... они покоя не знают.

В избе стало тихо. Только потрескивали дрова в печи, да завывал за стенами ветер. Желтый свет лампы дрожал, колебля тени. Казанцев чувствовал, как холод, принесенный им с улицы, отступает, сменяясь липким, тревожным теплом. И запах – дыма, картошки, стариковского пота – становился гуще, почти осязаемым.

– Мне нужно туда, Семен Игнатьич.

Старик поднял на него глаза. В них не было удивления. Была усталая покорность.

– Я так и знал. С той бумажкой придешь – назад дороги нет. Ты что, думаешь, я не видел, как ты сюда шел? За тобой же следом шли.

Казанцев замер.

– Кто?

– Люди. На лыжах. С края леса наблюдали. Как ты вошел. Два человека. В камуфляже. Не местные. Не охотники – движение у них... казенное.

– Милиция?

– Не знаю. Но стрелять умеют. По походке видно. Ноги не волокут, смотрят по сторонам. Ждут.

Значит, Полозов не ограничился вежливыми отказами. Он выставил наблюдение. Или кто-то другой. «Кураторы». Те, кто сжигал дневники. Они уже здесь. Они ждут, что он сделает следующий шаг. И, возможно, этот шаг будет для него последним.

– Все равно, – тихо сказал Казанцев. – Мне нужно туда. Найти его. И понять, что там.

Старик долго смотрел на него, будто взвешивая.

– Ты не первый такой. Был еще один... давно. Тоже из ваших, из органов. Молодой, горячий. Тоже совался, вопросы задавал. Потом... его тоже вывезли. С перевязкой на голове. Больше я его не видел.

Казанцев почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от мороза. От догадки.

– Когда это было?

– Лет десять назад. Может, чуть больше. Он сюда пришел, как ты. Спрашивал про Дальний. Говорил, расследует старые архивы. Я ему ничего не сказал. Но он ушел туда сам. Без проводника. Вернулся через день – белый как полотно. Сказал одно слово: «Лаборатория». А наутро приехали люди, забрали его. Аккуратно так. Под руки. Он не сопротивлялся. Смотрел пусто.

Десять лет назад. Молодой сотрудник. Расследование. Казанцев чувствовал, как куски мозаики начинают сходиться, образуя ужасающую картину. Не просто авария. Не просто заброшенный поселок. А что-то такое, что система охраняла десятилетиями. Уничтожая не только документы, но и тех, кто к ним приближался.

– Выведите меня туда, Семен Игнатьич. Я заплачу.

Старик махнул рукой, как от назойливой мухи.

– Какие там деньги... Мне деньги не нужны. Мне... – он замолчал, уставившись в темный угол, где висели старые, ржавые капканы. – Мне надоело молчать. И бояться. И слушать, как они там... шепчутся.

Казанцев не понял.

– Кто шепчется?

– Они. В Дальнем. По ночам, когда ветер с той стороны дует... кажется, будто голоса. Не я один слышал. И геолог твой, наверное, слышал. Оттого и написал: «Все еще живут?»

Тишина снова наполнила избу. Но теперь она была иной – насыщенной, тревожной, полной невидимых присутствий. Казанцев посмотрел на старика. Тот сидел, сгорбившись, его руки с узловатыми, кривыми пальцами лежали на столе, и эти пальцы слегка подрагивали.

– Когда пойдем? – спросил Казанцев.

– Завтра на рассвете. Ночью – никак. И они за нами не пойдут ночью – собьются и замерзнут. Утром – свежий след, мы быстрее. Знаю обходные тропы. Но учти... – он поднял на Казанцева свой выцветший взгляд, – дорога в один конец может быть. Я стар. Бегать не буду. Если что... стрелять умеешь?

Казанцев кивнул. Он не брал в руки оружие с того дня. Но умение не забывается. Как и страх.

– Ладно, – вздохнул старик. – Ночевать останешься тут. На печи место есть. А теперь давай, помоги дров подбросить, а то к утру остынет.

Он встал, пошел к поленице у печи. Казанцев последовал за ним. Действия были простые, бытовые: взять полено, подбросить в огонь, поправить заслонку. Но в этой простоте была странная, почти ритуальная значимость. Они уже стали сообщниками. Сообщниками в деле, которое пахло не только тайной, но и смертью.

Позже, лежа на теплой, жесткой лежанке печи, Казанцев слушал звуки ночи. Старик хрипел за занавеской на кровати. Ветер выл в трубе, скребся сухой хвоей по стене. Где-то далеко, на краю восприятия, ему действительно почудился шум – не ветра. Как будто приглушенный гул. Или стон. Или просто кровь стучит в висках.

Он думал о молодом сотруднике десять лет назад. О слове «лаборатория». О том, что Виктор, его напарник, погиб как раз в ту пору. Или не погиб? Нет, это уже паранойя. Совпадение.

Но в темноте, под вой ветра, совпадения казались зловещими узорами на ткани реальности. И старик, хранитель этой тайны, спал беспокойно, ворочался и бормотал что-то во сне. Казанцев разобрал только одно слово, повторенное несколько раз: «Вывезли... не всех...»

Он закрыл глаза. Завтра – дорога. В белизну. В тишину. В место, где мертвые, возможно, и вправду не были до конца мертвы. И где его ждали не только призраки прошлого, но и очень живые люди с казенной выправкой и, вероятно, с приказами. Туда, где кончались карты и начиналось нечто, о чем система предпочитала не оставлять бумаг. Только обгоревшие клочки. Да шепот в ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.